

труда. Сочиненіе должно быть печатаемо подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого автора“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Авторъ, опредѣляя задачу своего научнаго труда, называлъ свое сочиненіе опытомъ исагогико-экзегетическаго изслѣдованія. Съ такимъ-же правомъ онъ могъ-бы его назвать и опытомъ апологетическаго изслѣдованія, такъ какъ полемика съ представителями отрицательной протестантской критики (не точно вездѣ называемой авторомъ западной критикой) по вопросу о подлинности эсхатологической бесѣды Спасителя въ ея содержаніи и вѣѣшнемъ дѣлоствѣ видѣ пространственно занимаетъ господственное положеніе въ сочиненіи, не только заполняя собой большую часть первой, исагогической, части сочиненія,—что еще естественно,—но часто проявляясь и во второй, экзегетической, части, спеціальная задача которой—раскрытіе положительнаго содержанія эсхатологической бесѣды.

Авторъ обслѣдовалъ предметъ своего сочиненія очень полно, перейдя даже на мой взглядъ предѣлы необходимаго и полезнаго. Такъ, взгляды отрицательной критики онъ слѣдитъ и преслѣдуетъ до мельчайшихъ варіантовъ ихъ и до единоличныхъ мнѣній малоизвѣстныхъ ученыхъ. Въ экзегезисѣ онъ считаетъ нужнымъ почти всюду указать греческія слова, соотвѣтствующія словамъ славянскаго текста, *нерѣдко при этомъ обозначая различныя значенія ихъ*. Да и вообще филологическимъ тонкостямъ онъ отводитъ большое мѣсто въ сочиненіи, безъ большой однакожь пользы для дѣла. При этомъ онъ обнаружилъ громадную эрудицію и еще большее трудолюбіе. Но въ виду этого обстоятельства для меня представляется непонятнымъ, почему авторъ не включилъ въ свое изслѣдованіе конца эсхатологической бесѣды Спасителя, содержащагося въ 25-й главѣ евангелія Матѣея и заключающаго въ себѣ притчи

о мудрыхъ и неразумныхъ двѣхъ и о талантахъ и разсказъ о пакипришествіи Сына Человѣческаго и о страшномъ судѣ Его, хотя самъ-же говорить на страницѣ 17-й, что „существеннымъ содержаніемъ въ собственномъ смыслѣ послѣдняго дня является второе пришествіе, воскрешеніе мертвыхъ и всеобщій судъ“, а притчи 25-й главы относятся къ тому же кругу идей, что и объясняемыя авторомъ притчи 24-й главы того же евангелія. И авторъ ни словомъ не обмолвился о причинахъ искусственнаго ограниченія внѣшнихъ предѣловъ своей темы концомъ 24-й главы.

Трудолюбіе автора дало ему возможность поставить свое сочиненіе со стороны фактическаго и идейнаго содержанія на значительную научную высоту. Тамъ, гдѣ авторъ впадаетъ въ предѣлахъ темы, то есть во всемъ сочиненіи за исключеніемъ предисловія и послѣловія, приводимые имъ факты вообще вѣрны, а проводимые взгляды здравы. Въ предисловіи же и послѣловіи встрѣчаются и рискованныя положенія; напр.: „христіанской религіи постольку можетъ принадлежать будущность, поскольку она сама открываетъ, даетъ это будущее; или: „основная мысль эсхатологической бесѣды въ ученіи о злѣ та, что зло будетъ постепенно развиваться въ силѣ и расширяться въ объемѣ, что страданія и бѣдствія человѣчества будутъ постепенно усиливаться и умножаться“; еще: „современная наука совершенно игнорируетъ религію, считаетъ ее отжившей мнѳологіей, младенческой одеждой, изъ которой человѣчество давно выросло и т. под.

Къ сожалѣнію трудолюбіе автора не отразилось должнымъ образомъ на обработкѣ сочиненія, которая не можетъ быть названа удовлетворительной. Въ распредѣленіи матеріала не авторъ оказался господиномъ, а матеріаль. Поэтому одни и тѣ же вопросы, одни и тѣ же положенія, одни и тѣ же сюжеты встрѣчаются въ разныхъ частяхъ сочиненія, въ перемежку съ другими. Такъ, напр., никакъ не размежуются между собою

вопросъ о подлинности эсхатологической бесѣды и вопросъ о цѣлостности ея, иначе вопросы о подлинности содержанія и о подлинности внѣшняго вида бесѣды, хотя авторомъ и отведены тому и другому вопросу отдѣльныя главы первой части сочиненія. Не рѣдки повторенія. Встрѣчаются мѣста, гдѣ мысль автора для читателя представляется неясной. Въ переработкѣ сильно нуждается и языкъ сочиненія, въ коемъ встрѣчаемъ въ большомъ количествѣ слова и выраженія не точныя, не употребительныя, даже вульгарныя, затѣмъ иностранныя, употребляемыя авторомъ не только безъ нужды, но часто какъ бы съ преднамѣренностію, по принципу. Повидимому автору запала въ голову несчастная мысль, что частое включеніе въ рѣчь иностранныхъ словъ и выраженій, особенно же греческихъ, писанныхъ русскими и нерусскими буквами, способствуетъ раскрытію и уясненію смысла евангельскаго текста и придаетъ рѣчи пушю важность, а всему сочиненію вящую ученую солидность. Но нужно ли доказывать, что перемѣшиваніе въ ученое сочиненіе русскихъ и не русскихъ словъ и замѣна безъ нужды первыхъ послѣдними (напр. слово пакипришествіе словомъ парусія) только дѣлаютъ сочиненіе псевдобочитаемымъ и, слѣдовательно, малополезнымъ для широкой публики? А развѣ послѣдняя не нуждается въ ближайшемъ ознакомленіи съ основными истинами христіанскаго ученія? А ученые богословы развѣ не обязаны помогать ей въ этомъ?

Въ заключеніе приходится съ прискорбіемъ сказать, что настоящее сочиненіе Сергѣя Савинскаго, хорошее по своему фактическому и идейному содержанію, тѣмъ не менѣе право на названіе удовлетворительнымъ магистерскимъ сочиненіемъ получить только послѣ серьезной переработки его авторомъ съ внѣшней стороны“.

Постановили: Принимая во вниманіе указанные въ отзывахъ гг. рецензентовъ крупныя недостатки сочиненія кан-

дидата богословія Сергѣя Савинскаго, возвратить его автору для пересмотра и исправленія.

VI. Прошеніе преподавателя Донской духовной семинаріи Николая Лысогорскаго отъ 10 сего мая: „Представляя при семъ два экземпляра своего сочиненія: „Московский митрополитъ Платонъ Левшинъ, какъ противораскольничій дѣятель“, почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять означенное мое изслѣдованіе на соисканіе степени магистра богословія. Остальные 58 экземпляровъ обязуюсь выслать вскорѣ“.

Справка: Н. Лысогорскій окончилъ курсъ въ Киевской Духовной Академіи въ іюнѣ 1895 года со степенью кандидата богословія и съ правомъ полученія степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній чрезъ представленіе удовлетворительнаго для сей степени печатнаго сочиненія и защищеніе его на коллоквиумѣ.

Постановили: Представленное сочиненіе передать на разсмотрѣніе заслуженному ординарному профессору С. Голубеву съ предоставленіемъ Ректору Академіи назначить другого рецензента по своему усмотрѣнію.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „3 іюня 1905 г. Читаль“.

1—3 іюня 1905 года.

Въ собраніи Совѣта Киевской Духовной Академіи, подлѣ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессеры, кромѣ

экстраординарного профессора Н. Маккавейскаго, не бывшаго по причинѣ болѣзни.

Слушали: I. Отзывы наставниковъ Академіи о сочиненіяхъ студентовъ IV курса, написанныхъ для полученія ученой степени:

1) О сочиненіи студента іеромонаха *Аполлинарія* (Кожевого) на тему: „Ученіе Тертуліана о св. Троицѣ“.

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора протоіерея I. Королькова:

„Принимая на себя нелегкій трудъ—изложить ученіе Тертуліана о св. Троицѣ, авторъ считаетъ необходимымъ предварительно представить исторію догмата о св. Троицѣ до Тертуліана. Сначала онъ излагаетъ ученіе объ этомъ Божественнаго Основателя религіи Іисуса Христа и его апостоловъ, затѣмъ ученіе церковныхъ отцовъ и учителей, жившихъ до Тертуліана (ученіе мужей апостольскихъ, христіанскихъ апологетовъ, писателей полемистовъ и др.). Это составляетъ первую часть изслѣдованія о. Аполлинарія.

Во второй части авторъ представляетъ виѣшнюю сторону ученія Тертуліана о св. Троицѣ, раздѣляя эту часть на двѣ главы: въ 1 главѣ излагается характеристика ученія о св. Троицѣ Праксея и его послѣдователей, противъ которыхъ полемизировалъ Тертуліанъ въ трактатѣ, „adversus Praxeam“; во 2 главѣ разсматривается и уясняется терминологія Тертуліана въ ученіи о св. Троицѣ (стр. 105—172).

Въ третьей, послѣдней, части излагается самое ученіе Тертуліана о св. Троицѣ, причемъ эта часть раздѣляется на 5 главъ. Въ 1 главѣ излагается ученіе Тертуліана о Первомъ Лицѣ св. Троицы—Богѣ Отцѣ, во 2-й—ученіе о Второмъ Лицѣ—Сынѣ Божіемъ, въ 3-й—ученіе о Третьемъ Лицѣ св. Троицы—Св. Духѣ, въ 4-й главѣ разсматривается субстанціальность

трехъ Божественныхъ Лицъ и согласіе ея съ единствомъ Божества, наконецъ въ 5-й главѣ приводятся доказательства троичности Лицъ въ Богѣ, на основаніи опроверженія Тертуліаномъ главныхъ монархіанскихъ положеній Праксея и его послѣдователей.

Въ „послѣловіи“ авторъ, показывая вкратцѣ значеніе церковнаго ученія Тертуліана о св. Троицѣ, излагаетъ главные пункты этого ученія.

Авторъ съ большимъ усердіемъ и добросовѣстностію отнесся къ предмету своего изслѣдованія; онъ генетически, послѣдовательно изложилъ ученіе о св. Троицѣ, начиная отъ Іисуса Христа и кончая Тертуліаномъ; распредѣлилъ собранный имъ матеріалъ въ добромъ порядкѣ, языкъ сочиненія обработанный, ясный и точный, вполне соответствующій высокому предмету изслѣдованія.

Для степени кандидата настоящее сочиненіе можно признать вполне удовлетворительнымъ“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова:

„Сочиненіе о. Аполлинарія состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ въ первой (стр. 1—104) излагается исторія догмата о св. Троицѣ до Тертуліана, во второй (стр. 105—172) дается характеристика ученія Праксея и выясняется терминологія Тертуліана въ ученіи о Троицѣ, наконецъ, въ третьей (стр. 173—262) предлагается подробное изложеніе ученія Тертуліана о св. Троицѣ.

Трудъ автора заслуживаетъ полнаго одобренія. Онъ составленъ на основаніи тщательнаго и добросовѣстнаго изученія твореній Тертуліана, воспроизводитъ его воззрѣнія полно и правильно и передаетъ ихъ въ послѣдовательномъ логическомъ порядкѣ и въ хорошо обработанномъ изложеніи. Всѣ эти качества, цѣнныя и сами по себѣ, цѣнны особенно въ виду отсут-

ствія хорошаго перевода твореній Тертулліана на рускомъ языкѣ“.

2) О сочиненіи студента Иларіона *Ашихмана* на тему: „Положеніе женщины у библейскихъ евреевъ“.

а) Доцента священника А. Глаголева:

„Задача сочиненія авторомъ его опредѣляется такъ: „опредѣленіе степени личной самостоятельности ветхозавѣтной женщины въ тѣхъ областяхъ жизни и дѣятельности, въ которыхъ она выступала или — иначе, указаніе тѣхъ ограниченій личной самоопредѣляемости женщины, которыя установило жестокосердіе еврейскаго народа“ (стр. VI „Введенія“). Такая формулировка и пониманіе задачи сочиненія обязаны тому обстоятельству, что автору во введеніи къ сочиненію разсудилось предметъ послѣдняго связать съ вопросомъ женской эмансипаціи, что, разумѣется, не вызывалось сущностью предмета и даже повело къ нѣсколько одностороннему представленію его въ приведенныхъ строкахъ автора, — къ нѣкоторому какъ-бы суженію объема и содержанія темы. Впрочемъ, „женскій вопросъ“ фигурируетъ у автора лишь во введеніи (умѣстиже было бы упомянуть о немъ въ заключительномъ резюме сочиненія); на ходъ самаго изслѣдованія автора указанное обстоятельство почти не вліяло. Сочиненіе состоитъ изъ четырехъ главъ: 1) положеніе библейской женщины до брака (стр. 1—43); 2) библейская женщина въ замужествѣ (стр. 44—126); 3) положеніе разведенной и вдовы у ветхоз. евреевъ (стр. 127—139); 4) участіе библейской женщины въ религіозной и общественной жизни Израиля (стр. 139—159). Всѣ эти рубрики заполнены соответствующимъ матеріаломъ изъ библейскихъ источниковъ и отчасти — изъ іудейской традиціи — талмуда (послѣднихъ авторъ пользуется исключительно въ рускомъ переводѣ Н. Переферковича). Пользованіе источниками, а равно и литературой предмета, въ виду значительной объемчистости первыхъ и богатства

последней по изучаемому автором вопросу, могло бы имѣть болѣе полный примѣненіе, чѣмъ какъ видимъ то и другое у автора. Тогда, возможно, нѣкоторые вопросы получили бы въ сочиненіи автора иное рѣшеніе и, пожалуй, другую постановку, чѣмъ какія даны имъ теперь. Не касаясь частныхъ и, можетъ быть, случайныхъ недосмотровъ автора—дефектовъ мысли и слова, укажемъ два примѣра, гдѣ авторъ, правда, по добрымъ, благонамѣреннымъ побужденіямъ, идетъ въ разрѣзъ съ данными археологіи и исторіи библейской. Такъ, намъ кажется, напрасенъ трудъ автора—усиленно доказывать (стр. 82 и дал.) полное отсутствіе у древнихъ евреевъ обычая (въ древнѣйшую эпоху ихъ исторической жизни) покупать женъ—платить такъ наз. *шогаг* отцу невѣсты: основанія для утвердительнаго рѣшенія этого вопроса довольно тверды. Равнымъ образомъ не историческимъ представляется намъ завѣреніе автора, будто у древнихъ евреевъ жена могла требовать развода отъ мужа (стр. 109—116); для библейскаго, по крайней мѣрѣ, періода это подлежитъ большому сомнѣнію. Въ цѣломъ, однако, работа студента Ашихмана, хотя и оставляетъ желать лучшаго, является и въ настоящемъ своемъ видѣ удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія трудомъ“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго:

„Задачею своего сочиненія авторъ ставитъ „опредѣленіе степени личной самостоятельности ветхозавѣтной женщины въ тѣхъ областяхъ жизни и дѣятельности, въ которыхъ она выступила, или иначе—указаніе тѣхъ ограниченій личной самостоятельности женщины, которыя установило жестокосердіе еврейскаго народа“. Такую свою задачу авторъ выполняетъ въ четырехъ главахъ своего изслѣдованія, въ которыхъ говорится о положеніи библейской женщины: 1) до брака; 2) въ бракѣ; 3) послѣ прекращенія брачныхъ отношеній вслѣдствіе развода

древнееврейскихъ супруговъ или смерти мужа и, наконецъ, 4) объ участіи женщины въ религіозной и соціальной жизни Израиля.— Авторъ выходитъ изъ высокаго библейскаго представленія о женщинѣ, какъ нравственно свободной личности, сознанной по образу Божію и потому равноправной съ мужчиною, и слѣдитъ за проявленіемъ этого взгляда и его ограниченіями на пространствѣ всей исторической жизни ветхозавѣтнаго Израиля, пользуясь главнымъ образомъ данными Библии, но также и талмуда.

Картина положенія женщины вѣрная, довольно полная и цѣльная и написана хорошимъ языкомъ.

Для доставленія автору степени кандидата богословія сочиненіе г. Ашихмана вполне удовлетворительно*.

3) О сочиненіи студента Владиміра *Барвинка* на тему: „Никифоръ Влеммидъ и его богословскіе труды“.

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Во введеніи къ своему сочиненію студентъ Барвинокъ излагаетъ историческія обстоятельства, среди которыхъ пришлось жить и дѣйствовать извѣстному византійскому церковному дѣятелю и писателю XIII вѣка Никифору Влеммиду, говоритъ о задачѣ своего сочиненія, важности предмета его, планѣ и литературѣ изслѣдованія. Самое сочиненіе г. Барвинокъ сообразно поставленной въ заглавіи его темѣ, раздѣляетъ на двѣ части. Первая часть говоритъ о личности Никифора Влеммиды; распадается она на двѣ главы, изъ которыхъ въ первой (стр. 1—106) излагаются обстоятельства жизни и дѣятельности Никифора Влеммиды, начиная съ вопроса объ имени и происхожденіи его и кончая сообщеніемъ о смерти его и о томъ ореолѣ, какимъ окружена была личность Никифора Влеммиды въ глазахъ современныхъ ему и послѣдующихъ писателей; а во второй главѣ (стр. 107—

126) говорится, какъ выражается авторъ, „о принципахъ жизни и характерѣ“ Никифора Влеммида, т. е. начертывается по преимуществу его нравственный образъ. Вторая часть сочиненія говорить о богословскихъ трудахъ Никифора Влеммида: въ первой главѣ этой части (стр. 127—228) идетъ рѣчь о сочиненіяхъ Влеммида догматико полемическихъ и догматическихъ, во второй (стр. 228—247)—о сочиненіяхъ нравственно-аскетическихъ, въ третьей главѣ (стр. 248—264)—о сочиненіяхъ экзегетическихъ, въ четвертой главѣ (стр. 264—272)—о произведеніяхъ церковно-поэтическихъ и въ пятой главѣ (стр. 273—294)—о разнаго рода другихъ богословскаго характера трудахъ Никифора Влеммида. Въ заключеніи сочиненія дается общая характеристика Никифора Влеммида, какъ церковнаго дѣятеля и писателя.

Авторъ отнесся къ своему дѣлу съ большимъ стараніемъ и видимымъ умѣніемъ. Матеріалъ распределяется имъ въ сочиненіи логически. Авторъ хорошо различаетъ существенное въ сочиненіи отъ второстепеннаго и располагаетъ то и другое въ соответствующихъ мѣстахъ и надлежащимъ образомъ. При изложеніи біографіи Никифора Влеммида авторъ старается уяснить каждый, даже, повидимому, неважный фактъ изъ жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ византійскаго дѣятеля и писателя XIII вѣка. При обзорѣ же литературныхъ трудовъ Никифора Влеммида авторъ старается представить все, что можно сказать о томъ или другомъ произведеніи этого писателя: говорить о литературѣ, изъ которой можно почерпнуть свѣдѣнія относительно того или иного сочиненія Влеммида, о различныхъ взглядахъ на литературныя произведенія этого писателя, о подлинности извѣстнаго сочиненія Влеммида, характерѣ его, времени и обстоятельствахъ происхожденія, поводѣ, цѣли, значеніи, отношенія къ другимъ произведеніямъ того же писателя и, само собою, о содержаніи cadaго изъ сочиненій Влеммида; если сочиненіе не появилось въ печати,—дается указаніе и на рукописи, въ которыхъ оно со-

храняется. Авторъ даже слегка расширяетъ тему своего сочиненія, въ чемъ и самъ признается, но дѣлаетъ это съ дѣлю шире и рельефнѣе отгѣнить самый образъ Никифора Влеммида и его несомнѣнно—важныя заслуги для византійской церкви и богословской науки. Въ изображеніи автора Никифоръ Влеммидъ является дѣйствительно своего рода колоссальною личностью по своему уму, по своимъ нравственнымъ качествамъ и по своей церковной и литературной дѣятельности. И нужно сказать, что для всего этого автору приходилось собирать крупницы изъ множества книгъ на латинскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и русскомъ языкахъ и изъ этихъ крупницъ составлять стройное и обстоятельное изслѣдованіе. Вышняя сторона сочиненія нѣсколько уступаетъ внутренней: замѣтны, напр., въ изложеніи шероховатости, встрѣчаются провинциализмы, попадаютъ и грамматическія (этимологическія и синтаксическія) ошибки; но для общей оцѣнки сочиненія г. Барвинка, при тѣхъ несомнѣнныхъ положительныхъ качествахъ, какими обладаетъ это сочиненіе, сдѣланныя нами замѣчанія относительно вышней стороны сочиненія могутъ не имѣть существеннаго значенія. Въ общемъ я считаю сочиненіе г. Барвинка отлично—хорошей кандидатской диссертацией“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова:

„Никифоръ Влеммидъ—византійскій писатель XIII в. (род. въ 1197 г., ум. въ 1272 г.), оставившій послѣ себя длинный рядъ сочиненій, посвященныхъ философіи, физикѣ, географіи, медицинѣ и богословію.

Сочиненіе автора представляетъ собою очень обстоятельную монографію о Влеммидѣ. Оно открывается введеніемъ, въ которомъ изображается эпоха, когда жилъ и дѣйствовалъ Влеммидъ, указываются задача, важность предмета и планъ изслѣдованія, литература, источники и пособія, и состоитъ, затѣмъ,

изъ двухъ частей. Первая часть, въ первой главѣ, излагаетъ жизнь и дѣятельность Влеммида, а во второй изображаетъ его нравственный характеръ. Вторая часть посвящена обстоятельному обзорѣ литературныхъ трудовъ Влеммида, именно въ 1-й главѣ разсматриваются догматико-полемическія и чисто догматическія сочиненія, во 2-й нравственно-аскетическія, въ 3-й—экзегетическія, въ 4-й—церковно-поэтическія и, наконецъ, въ 5-й—богословскія сочиненія смѣшаннаго характера. Параллельно съ текстомъ, въ обширныхъ, идущихъ иногда на нѣсколькихъ страницахъ, подстрочныхъ примѣчаніяхъ сообщаются пояснительныя и дополнительныя свѣдѣнія къ тексту.

Сочиненіе автора свидѣтельствуетъ о превосходномъ знакомствѣ какъ съ непосредственнымъ предметомъ темы—личностью Влеммида и его богословскими трудами, такъ и съ литературой, касающейся этого предмета, написано въ логическомъ и стилистическомъ отношеніи безукоризненно и, на мой взглядъ, могло бы быть обработано для дальнѣйшихъ ученыхъ цѣлей.

Какъ кандидатская диссертация, оно вполне удовлетворительно“.

4) О сочиненіи студента священника Никифора *Блошенко*, на тему: „Эней Газскій, какъ философъ“.

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова:

„Сочиненіе о. Никифора Блошенко характеризуется двумя похвальными особенностями—стремленіемъ автора къ возможно полному изученію всего, относящагося къ Энею Газскому, т. е. твореній это писателя, ихъ изданій, свидѣтельствъ о немъ и сочиненій, изучающихъ его въ разныхъ отношеніяхъ, и положеніемъ къ уясненію или критической оцѣнкѣ изучаемаго. Но первое, получившее наибольшее примѣненіе и служащее причиною надлежащей полноты содержанія сочиненія, не всегда благопріятно отражается на второмъ, стѣсня критическій элементъ, лишая его по мѣстамъ оригинальности и основатель-

ности, являющихся результатом напряженной вдумчивости. Сказанное подтверждаемъ краткимъ обзорніемъ содержанія рассматриваемаго сочиненія.

Въ „предисловіи“ (3—6) авторъ подробно порочисляетъ изданія твореній Энея, ихъ переводы и сочиненія, трактующія о литературной и философской дѣятельности названнаго Газскаго философа: здѣсь же онъ удачно обозначаетъ задачу своего сочиненія и точки зрѣнія, съ которыхъ онъ намѣревался изучать дѣятельность Энея. О качествахъ изданій и переводахъ твореній Энея, а равно и объ ученой литературѣ, касающейся этого древняго писателя, авторъ ничего не говоритъ, оставляя такимъ образомъ читателя въ невѣдѣніи относительно отличія своего сочиненія отъ прежде появившихся изслѣдованій объ Энеѣ. Впрочемъ, этотъ пробѣлъ значительно восполняется встрѣчающимися въ сочиненіи свѣц. Н. Блошенко критическими замѣчаніями о мнѣніяхъ и гипотезахъ разныхъ ученыхъ объ Энеѣ и его религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ.

Во „введеніи“ (стр. 6—29) авторъ, при помощи имѣвшихся у него пособій, съ немалымъ успѣхомъ выясняетъ причины упадка христ. философіи (6—11) и усилившееся „вліяніе греческой философіи (Платоновой, Аристотелевой и неоплатонической) на христіанское ученіе“ (7) въ V и VI в.в., процвѣтаніе и направленіе Газской школы, къ представителямъ которой принадлежит и Эней (11—21), опредѣляетъ время жизни этого философа (21—25), исчисляетъ и характеризуетъ со стороны формы и содержанія его творенія (25—29). Въ этой части сочиненія авторъ собираетъ весьма интересныя свѣдѣнія и дѣлаетъ основательныя соображенія по поводу ихъ; но здѣсь же находимъ сужденія совершенно необоснованныя, сомнительныя и неудобопріемлемыя. Приведемъ примѣры. Церковныхъ писателей, подъ вліяніемъ философіи впаавшихъ въ ереси, авторъ называетъ отцами церкви (стр. 8). Сомнительно замѣчаніе, что греческая философія превосходила христіанское ученіе богатствомъ знанія (8). Если взять во вниманіе, что

греческая философія въ V и VI в.в. находилась въ полномъ упадкѣ, то становится непонятнымъ сужденіе автора, что вслѣдствіе упадка христіанской философіи (т. е. ученія церковн. писателей) возросло вліяніе языческой философіи на христіанское ученіе; да и невѣрно сказано, что авторитетъ ученія церковныхъ отцовъ не признавался въ V и VI в.в. и что въ это время языческая философія вліяла на христіанское ученіе; тутъ, очевидно, авторъ допускаетъ смѣшеніе нѣкоторыхъ понятій и ихъ наименованій. По вопросу о времени жизни Энея авторъ приводитъ разные мнѣнія, не показывая несостоятельности нѣкоторыхъ изъ нихъ; онъ склоняется къ предположенію, что Эней жилъ въ концѣ 5-го и въ началѣ 6-го в., но оставляетъ безъ возраженія мнѣніе Баронія, что Эней принялъ крещеніе и имя отъ Газскаго епископа Энея, умершаго въ 394 или въ 395 г.

Самое изслѣдованіе раздѣляется авторомъ на три главы. Въ 1-ой онъ излагаетъ философскія воззрѣнія Энея Газскаго. Она состоятъ изъ трехъ частей: въ *первой* излагается опроверженіе философскаго ученія о предсуществованіи душъ и ихъ переселеніи, удачно систематизируется ученіе Энея о твореніи душъ при зарожденіи чловѣка, о безсмертіи и числѣ душъ (стр. 30—78); во *второй* заключается ученіе Энея о происхожденіи, разрушеніи и обновленіи міра (78—91), а въ *третьей*—о воскресеніи тѣла (91—111). Первая обширная по объему глава сочиненія свящ. Блошенко очень старательно обработана; въ ней точно, полно и продуманно представлены религиозно—философскія воззрѣнія Энея; приложенный къ сочиненію хорошій переводъ „*Θεοφραστα*“ Энея служитъ надежнымъ подтвержденіемъ той старательности, съ какою авторъ изучилъ воззрѣнія Энея.

Если первую главу можно назвать излагательною по преимуществу, то остальные двѣ должно считать критическими. Во 2-й главѣ авторъ выясняетъ отношеніе Энея къ христіанству и философскимъ системамъ. Съ особенною обстоятельностью доказана здѣсь зависимость Энея отъ Платона и Плотина,

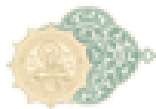
которую авторъ называетъ формальною, а не матеріальною. Въ 3-й главѣ (161—180) авторъ характеризуетъ литературную форму, въ которой Эней выражалъ свои религіозно-философскія воззрѣнія. И во 2-й и въ 3-й главѣ критическая оцѣнка воззрѣній Энея и литературной формы изложенія произведена подробно и обстоятельно, но по мѣстамъ она поверхностна и неправильна. Такъ, напр., доказывая легковѣріе Энея и замѣчаемое иногда въ его сочиненіяхъ отсутствіе философской критики, о. Н. Блошенко говоритъ (168): Эней „принимаетъ за чистую монету нѣкоторые рассказы изъ древнихъ сагъ и христіанскихъ сказаній“. Извѣстно, что христіанскіе ученѣйшіе писатели, начиная со второго вѣка, въ полемикѣ съ языческими воззрѣніями и вѣрованіями доказывали, что въ нихъ есть нѣчто сходное съ христіанскими воззрѣніями и есть много цѣлѣностей; первому, когда на него указываютъ христіане, язычники не вѣрятъ, а второе защищаютъ. Этого же полемическаго приѣма придерживается и Эней... Что же вы, говоритъ онъ, легкомысленно усиливаетесь противъ истиннаго .., все, которое темное и негѣное болѣе охотно принимаете?“ (94). Когда же Творецъ обѣщаетъ сотворить безсмертной душѣ безсмертное тѣло, то противъ этого вы возбуждаетесь, поднимая непримиримую войну, хотя и Платонъ тѣлесно выводитъ изъ ада къ живымъ Армонія, а Зороастръ предсказываетъ воскресеніе всѣхъ мертвыхъ (95). Гдѣ же здѣсь легковѣріе Энея? Еще болѣе страннымъ представляется желаніе о. Н. Блошенко, чтобы рассказы о проявленіи чудесной силы въ христіанствѣ Эней принималъ за фальшивую монету. Авторъ, какъ кажется, въ приведенномъ сужденіи не выступаетъ самостоятельнымъ критикомъ. Вообще же разсмотрѣнное сочиненіе, не смотря на многіе указанные недостатки, представляетъ собою трудъ очень серьезный, въ научномъ отношеніи цѣнный, показывающій, что авторъ его старательно изучилъ источники и пособія и изученное освѣтилъ основательною критикою“.

б) Заслуженного ординарного профессора Н. Дроздова:

„Сочиненіе о. Блошенко представляет въ общемъ обстоятельное и основательное изслѣдованіе предмета и свидѣтельствуесть о внимательномъ изученіи авторомъ важнѣйшихъ изъ относящихся къ предмету сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, и въ частности произведеній самого Энея, и о способности автора къ научно-литературнымъ работамъ. Въ заслугу автору слѣдуетъ также поставить сдѣланный имъ и помѣщенный въ приложеніи переводъ діалога Энея „Феофрастъ“. Наиболѣе удачно обработана авторомъ 1-я глава сочиненія, въ которой излагается въ систематическомъ видѣ философское ученіе Энея о душѣ человѣка, о мірѣ и воскресеніи тѣла. Менѣе удачны прочія части сочиненія. Такъ, во введеніи трактатъ о состояніи духовнаго просвѣщенія и направленія умственной дѣятельности въ V вѣкѣ имѣеть слишкомъ общій характеръ. Во 2-й главѣ, имѣющей предметомъ общій взглядъ на философскія воззрѣнія Энея и на отношеніе его къ христіанству и неоплатонизму, авторъ въ недостаточной степени обратилъ вниманіе на отношеніе философскихъ воззрѣній Энея къ христіанскому ученію и къ воззрѣніямъ предшествовающихъ христіанскихъ мыслителей и не выяснилъ, въ чемъ именно Эней „уклоняется отъ христіанскихъ воззрѣній“ и какія изъ усвоенныхъ имъ философскихъ ученій были, по выраженію автора, „прямо противоположны христіанскому ученію (стр. 159)“. Онъ сосредоточиваетъ вниманіе на выясненіи отношенія Энея къ Аристотелю, Платону и въ особенности къ неоплатонизму и къ представителямъ его—Плотину, Порфирію и Иероклу; но, излагая въ частности тѣ воззрѣнія Энея, въ которыхъ, по мнѣнію автора, отразилось вліяніе неоплатонизма, авторъ не указываетъ, кто именно изъ неоплатониковъ высказывалъ подобнаго рода воззрѣнія. Этотъ недостатокъ тѣмъ болѣе ощутителенъ, что нѣкоторые изъ воззрѣній, приписываемыхъ авторомъ не-

оплатонизму, высказывались также представителями других философских школ или христианскими писателями, не имѣвшими отношенія къ неоплатонизму, какъ, напр., то воззрѣніе, что „долгъ челоѣка—жить сообразно съ природой (стр. 148)“ и что „повсюду въ мірѣ господствуетъ порядокъ и гармонія (стр. 150)“. Въ сужденіяхъ автора замѣчается иногда нѣкотораго рода шаткость или непоследовательность. Такъ, авторъ признаетъ тѣсную связь философскаго ученія Энея съ ученіемъ Платона и въ этомъ смыслѣ неоднократно называетъ перваго Платоникомъ (стр. 119, 127 и др.); неоплатонизму же Эней, по словамъ автора, обязанъ лишь терминологіей или внѣшней, формальною стороною (стр. 146, 150, 156 и др.); но въ заключеніи разсматриваемой главы онъ говоритъ, что „у Энея христіанскіе и неоплатоническіе обороты рѣчи и *воззрѣнія* переплетаются“ (стр. 158—159). Также изъ изложенія философскаго ученія Энея и въ особенности изъ сдѣланной авторомъ подробной характеристики вліянія неоплатонизма на воззрѣнія Энея видно, что вліяніе это не ограничивалось формальною стороною, но простиралось и на самое содержаніе ученія Энея. По мѣстамъ встрѣчаются у автора повторенія и замѣчается недостатокъ строгой логической связи. Эти недостатки въ особенности замѣчаются въ 3-ей главѣ, въ которую входятъ „замѣчанія о формальной сторонѣ изложенія“. Но въ общемъ сужденія автора дѣльными и основательными. Языкъ сочиненія, за немногими исключеніями, гладкій и ясный. Но встрѣчаются по мѣстамъ неточныя выраженія, которыя объясняются сѣшностію работы, а отчасти, можетъ быть, кое-какими недочетами въ церковно-историческихъ, историческихъ, историко-литературныхъ и т. под. свѣдѣніяхъ автора. Такъ, напр., авторъ говоритъ, что „преlestи греческой философіи еще и въ древнее время увлекали *отцевъ церкви* (?) въ ереси. Но церковь осуждала такихъ чадъ и отлучала ихъ (отцевъ церкви?) отъ своего общества (стр. 161)“. Баронія и Касовбонія (sic!) онъ относитъ (стр. 161) „къ предыдущимъ десятилѣтіямъ (XIX в. ?)“. Но

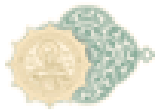
этими недостатками не затемняются достоинства рассматриваемого сочинения, которое, въ качествѣ кандидатской диссертации, можетъ быть признано, по нашему мнѣнію, вполне удовлетворительнымъ.“.

5) О сочиненіи студента Александра *Боброва* на тему: „Гомилетическія наставленія въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта“.

а) И. д. доцента *Θ. Мищенко*:

„Сочиненіе, кромѣ введенія и заключенія, имѣетъ двѣ главы; въ первой говорится о проповѣдникѣ, во второй — о проповѣди. Въ томъ и другомъ случаѣ авторъ часто упускаетъ изъ виду гомилетическую цѣль своего изслѣдованія и сбивается то въ область пастырскаго богословія, то на путь общихъ нравственно-догматическихъ разсужденій. Особенно страдают такими отклоненіями разсужденія во второй главѣ о предметѣ проповѣди, гдѣ авторъ дѣлаетъ попытку изложить по пастырскимъ посланіямъ чуть ли не цѣлое богословское міровоззрѣніе ап. Павла. Какъ на общій недостатокъ сочиненія, можно также указать на неумѣнье автора выдвинуть на первый планъ въ своемъ изслѣдованіи текстъ Св. Писанія, вслѣдствіе чего у читателя получается впечатлѣніе, что онъ имѣетъ дѣло не съ гомилетическими наставленіями свящ. книгъ Новаго Завѣта, а съ гомилетическими разсужденіями самого автора, высказываемыми по поводу ново-завѣтныхъ текстовъ, или подкрѣпляемыми текстами.“

Не смотря на указанные недостатки, на основаніи сочиненія все таки можно составить себѣ понятіе о томъ, что и какъ говорится въ Св. Писаніи относительно проповѣдническаго служенія и потому я полагаю бы возможнымъ признать автора достойнымъ степени кандидата богословія“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго:

„Задача автора (какъ онъ самъ ее опредѣляетъ) состояла въ томъ, чтобы представить въ возможно полномъ видѣ систему наставленій о проповѣди, находимыхъ въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта. Но авторъ, поставившій себѣ такую задачу, съузилъ ее въ своемъ исполненіи. Онъ обратилъ вниманіе только на пастырскія посланія св. апостола Павла. Между тѣмъ эти посланія, хотя и представляютъ наиболѣе богатый матеріалъ для читателя, не единственный документъ въ этомъ отношеніи. Авторъ могъ бы найти очень много важныхъ указаній, нужныхъ для выполненія его задачи, въ другихъ книгахъ священнаго писанія Новаго Завѣта, въ особенности въ словахъ и наставленіяхъ Господа Иисуса Христа, данныхъ апостоламъ.

Далѣе, автору, при построеніи системы наставленій гомилетическаго характера, заключающихся въ новозавѣтныхъ священныхъ книгахъ, исходною точкою и основаніемъ нужно бы ставилъ слова Писанія. Но онъ кладетъ въ основаніе своихъ построеній напередъ составленныя общія понятія, и развивая ихъ потомъ, подтверждаетъ ихъ текстами Писанія. Нельзя не замѣтить притомъ, что нѣкоторые пункты, указанные въ священномъ Писаніи, имъ оставлены безъ вниманія.

Въ сочиненіи двѣ главы. Въ одной говорится о качествахъ проповѣдника. Объ этомъ авторъ распространяется болѣе надлежащаго, часто выходя за предѣлы указанныхъ въ Писаніи наставленій, и наполняетъ главу общими разсужденіями.

Вторая глава озаглавляется: „Проповѣдникъ, какъ учитель вѣры и жизни христіанской“. Здѣсь высказано много добрыхъ сужденій. Но авторъ не даетъ надлежащей раздѣльности, при развитіи своихъ представленій, и планъ его не выработанъ съ надлежащею отчетливостію. Его многословіе, не подчинен-

ное твердому плану, причиною того, что читателю не легко изъ его рассуждений вынести вполне ясное представление о томъ, какія указанія даются проповѣднику въ посланіяхъ св. апостола Павла.

Языкъ автора довольно исправный и выработанный. Высказанныя имъ сужденія о проповѣдническомъ дѣлѣ здравыя и основательныя.

Для степени кандидата сочиненіе удовлетворительное“.

6) О сочиненіи студента Николая *Богоявленскаго* (новгородскаго) на тему: „Царская власть у Израиля и ея отношеніе къ ветхозавѣтной теократіи“.

а) Доцента священника А. Глаголева:

„Предметъ сочиненія—царская власть у библейскихъ евреевъ—достаточно раскрытъ даже въ нашей библейской литературѣ, по крайней мѣрѣ, со стороны историко-археологической: о первыхъ трехъ царяхъ нераздѣленного еврейскаго царства есть докторская диссертация проф. Я. А. Богородскаго „Еврейскіе Цари“ (Казань, 1884); о бытѣ еврейскихъ царей—магистерская диссертация А. Мирюлюбова „Бытъ еврейскихъ царей“ (Казань, 1898). Однако какъ первое, такъ и второе сочиненія не ставятъ и не рѣшаютъ нарочито принципиальнаго вопроса о взаимномъ отношеніи царской власти у библейскихъ евреевъ къ существовавшей у нихъ теократіи; еще менѣе въ нихъ говорится о значеніи царской власти для наступательнаго раскрытія мессіанской идеи въ Ветхомъ Завѣтѣ; наконецъ, и въ самой историко-археологической сторонѣ вопроса о царской власти у библейскихъ евреевъ возможны, въ частности, иныя рѣшенія по сравненію съ данными въ названныхъ работахъ. Отвѣтъ на всѣ эти запросы и пытается дать разсматриваемая курсовая работа. Первые три главы имѣютъ характеръ по преимуществу историко-археологическій: 1) о причинахъ и обстоятельствахъ возникновенія царской власти у евреевъ; 2) о сущности

и подробностях царскаго управленія у нихъ; 3) о бытѣ царей. Последнія двѣ главы носятъ библейско-богословскій отпечатокъ, поскольку 4-я гл. опредѣляетъ „значеніе института царской власти у Израиля для раскрытія мессіанской идеи въ Ветхомъ Завѣтѣ“, а 5-я гл. критически и положительно устанавливаетъ или формулируетъ взаимное отношеніе царской власти и теократіи въ Ветхомъ Завѣтѣ. Можно замѣтить, что обратный порядокъ двухъ послѣдующихъ главъ сочиненія сообщалъ бы каждой изъ нихъ болѣе естественное по ходу изслѣдованія положеніе; у автора же получилось не вполне исторически-обоснованное представленіе соотношенія древнееврейской царской власти и мессіанской идеи Ветхаго Завета. Не всегда также способна удовлетворить читателя авторская критика построеній западныхъ „ученыхъ теоретиковъ развитія“, изыскивающихъ противорѣчія между „царскими законами“ (Втор. 17 гл.) и религіозно-культурнымъ устройствомъ еврейской общины по „Священническому кодексу“ (—среднимъ книгамъ Пятикнижія) и между послѣднимъ и исторіею періода царей еврейскихъ. Въ общемъ однако сочиненіе студента Боголюбскаго производитъ благоприятное впечатлѣніе надлежащею освѣдомленностью автора въ библейскомъ источникѣ и ученой, русской и заграничной, литературѣ предмета и, въ большинствѣ случаевъ, твердостью и основательностью сужденій. Степень кандидата богословія авторъ сочиненія вполне заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго:

„Данная автору тема, очевидно, имѣла въ виду сосредоточить его вниманіе на идеѣ царской власти у израильскаго народа и на уясненіи положенія этой власти въ теократическомъ строѣ. Но авторъ нѣсколько иначе пошелъ свою тему и основному вопросу ея отвелъ второстепенное мѣсто, посвятивъ ему только третью часть сочиненія. Въ боль-

шей же части сочиненія авторъ трактуеть о происхожденіи царской власти, о правахъ царя, порядкѣ управленія, престолонаслѣдія, о бытѣ царей и ихъ доходахъ. Если разсматривать эти трактаты въ отношеніи къ данной темѣ, то многіе изъ нихъ нужно пазвать или излишними совѣмъ, или слишкомъ пространными. Если цѣнить ихъ съ точки зрѣнія задачи, поставленной себѣ самимъ авторомъ, то они оказываются очень краткими. Напр., о бытѣ царей авторъ имѣлъ подъ руками цѣлую магистерскую диссертацию и могъ этотъ пунктъ, разъ онъ считалъ себя обязаннымъ коснуться его, раскрыть много обстоятельнѣй. Прямо къ темѣ, данной автору, относятся двѣ послѣднія главы сочиненія, въ которыхъ уясняется значеніе царской власти въ раскрытіи мессіанской идеи въ Ветхомъ Заветѣ и отношеніе этой власти къ теократическому строю. Нельзя сказать, чтобы въ этихъ главахъ поставленные вопросы были исчерпаны вполне и освѣщены такъ, какъ ихъ можно бы освѣтить. Полнаго свода библейскихъ мѣстъ о царской власти и экзегесиса библейскаго текста мы здѣсь не находимъ. Достоинства сочиненія заключаются въ томъ, что авторъ хорошо разсуждаеть, умѣеть изъ многихъ разнообразныхъ мнѣній выбрать лучшія и излагаетъ свои мысли простой и правильной рѣчью.

Какъ кандидатская диссертациа, сочиненіе г. Богоявленскаго вполне удовлетворительно“.

7) О сочиненія студента Николая *Богоявленскаго* (олоонецкаго) на тему: „Значеніе твореній св. Теофила Антиохійскаго для древне-классической литературы“.

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора протоіерея І. Королькова:

„Св. Теофілъ Антиохійскій въ своемъ трактатѣ къ Автолику, образованному язычнику, неоднократно ссылается на

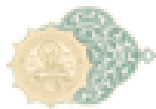

древне-классическую (частіѣ эллинскую) религію и литературу, дѣлая свои отзывы о религіи и міеологіи грековъ, объ ихъ поэтахъ, историкахъ и философахъ. Студентъ г. Богоявленскій поставилъ свою задачею—опредѣлить значеніе этихъ отзывовъ св. Θεοφιλα для древне-славянской литературы и указать ихъ достоинства и недостатки.

Сочиненіе автора построено по такому плану. Во введеніи онъ показываетъ отношеніе язычниковъ и іудеевъ къ христіанству; нападки тѣхъ и другихъ на христіанъ и защита послѣднихъ отъ несправедливыхъ обвиненій, возводившихся на христіанскую религію. Такъ какъ апологетическіе труды писались образованными христіанами, основательно знакомыми съ писаніями и вѣрованіями языческихъ ученыхъ, то подобные труды христіанскихъ апологетовъ (частіѣ св. Θεοφιλα) имѣютъ немаловажное значеніе и для древне-классической литературы.

Для опредѣленія этого значенія авторъ входитъ въ подробный разборъ сочиненій св. Θεοφιλα и показываетъ—въ 1 главѣ отношеніе къ древне классической религіи и міеологіи, во 2 главѣ—отношеніе св. Θεοφιλα къ древне-классической литературѣ вообще, въ 3 главѣ—отношеніе его въ частности къ поэзіи, исторіи и философіи. Наконецъ, въ заключеніи авторъ представляетъ общіе выводы, вытекающіе изъ разбора твореній св. Θεοφιλα по отношенію къ древне классической религіи, міеологіи и литературѣ.

Авторъ съ большою любовью и внимательностію отнесся къ избранному имъ предмету. Онъ тщательно пересмотрѣлъ всѣ мѣста и изреченія древнихъ греческихъ писателей, находящіеся въ твореніяхъ св. Θεοφιλα, сличилъ ихъ съ подлинниками, указалъ ихъ важность и значеніе и опредѣлилъ правильность ихъ чтенія у св. Θεοφιλα. На основаніи отрывочныхъ фразъ у св. Θεοφιла, случайныхъ упоминаній о томъ или другомъ писателѣ, авторъ представилъ намъ цѣлую систему религіозныхъ воззрѣній древне-греческаго періода и его писателей.

Трудъ автора кропотливый, добросовѣстный, а главное самостоятельный, показывающій его основательныя познанія въ древне-греческой литературѣ. Правда, въ настоящемъ сочиненіи встрѣчаются нѣкоторыя (впрочемъ немногія) неточныя выраженія, преувеличенія, иногда недостаетъ надлежащихъ выводовъ при сужденіи о древне-греческихъ писателяхъ, бросается въ глаза незнакомство автора съ выдающимися трудами (даже русскихъ) ученыхъ (напр., проф. Корсунскаго, проф. Бѣляева). Но всѣ эти пробѣлы не умаляютъ достоинства сочиненія, которое можетъ быть признано вполне удовлетворительною кандидатскою диссертациею“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Судя по сдѣланнымъ авторомъ въ введеніи къ своему труду замѣчаніямъ о значеніи христіанской апологетической литературы для науки классической древности и въ частности для исторіи древне-классической литературы, онъ имѣлъ ясное представленіе о предстоявшей ему задачѣ. Но въ своемъ изслѣдованіи, состоящемъ изъ трехъ главъ, онъ какъ бы уклоняется отъ прямой своей задачи и говоритъ собственно не о значеніи твореній св. Θεοφιλα для исторіи древне-классической литературы, а объ отношеніи его къ древне-классической религіи и мифологіи, какъ имѣющимъ тѣсную связь съ древне-классической литературой (гл. I), объ отношеніи его къ древне-классической литературѣ вообще (гл. II) и объ отношеніи его въ частности къ поэзіи, исторіи и философіи (гл. III). Но при этомъ онъ не только извлекъ изъ твореній св. Θεοφιλα, но также систематизировалъ все то, что имѣетъ отношеніе къ греческой классической литературѣ, и постарался выяснить безупречность фактической стороны въ историко-литературныхъ сообщеніяхъ св. Θεοφιλα и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрную рѣзкость и односторонность въ сужденіяхъ его о древне-классической религіи, мифологіи и литературѣ. Онъ сличилъ большую

часть мѣстъ, приводимыхъ св. Теофиломъ изъ греческихъ писателей, съ текстомъ послѣднихъ я такимъ образомъ констатировалъ точность цитацій его. Онъ отмѣтилъ также мѣста, приводимыя св. Теофиломъ изъ недошедшихъ до насъ произведеній греческихъ писателей, и постарался показать, что они дѣйствительно могутъ принадлежать тѣмъ писателямъ, которымъ приписываетъ ихъ св. отецъ. Попутно авторъ дѣлаетъ иногда указанія, но лишь общаго характера, и на значеніе тѣхъ или другихъ сообщеній св. Теофила въ историко-литературномъ отношеніи. Все это относится къ достоинствамъ разсматриваемаго сочиненія и имѣетъ ближайшее отношеніе къ задачѣ автора, но далеко не исчерпываетъ всѣхъ, входящихъ въ нее, вопросовъ. Такъ, авторъ старается большею частью доказывать полное согласіе историко-литературнаго матеріала, заключающагося въ твореніяхъ св. Теофила, съ тѣми данными, которыми располагаетъ исторія древне-классической литературы, но оставляетъ безъ надлежащаго вниманія вопросъ, что поваго въ этомъ отношеніи даютъ творенія св. отца, кромѣ своеобразныхъ сужденій его, и что встрѣчается въ нихъ такого, что можетъ служить или дѣйствительно служить къ восполненію, уясненію или исправленію этихъ данныхъ. Въ этомъ отношеніи характерно между прочимъ то, что, отмѣчая мѣста, приводимыя св. Теофиломъ изъ недошедшихъ до насъ произведеній греческихъ писателей, авторъ ничего не говоритъ о томъ, не встрѣчаются ли эти мѣста или указанія на нихъ у другихъ древнихъ писателей. Въ частности, признавая извѣстное выраженіе апостола Павла: „мы Его и родъ“ заимствованнымъ изъ приводимаго св. Теофиломъ мѣста изъ Арата, онъ даже не упоминаетъ о томъ, что выраженіе это встрѣчается также въ гимнѣ Клеанѣа. Нѣкоторымъ восполненіемъ пробѣловъ сочиненія служитъ краткое „заключеніе“, гдѣ авторъ говоритъ о значеніи твореній св. Теофила для исторіи древне-классической литературы; но здѣсь онъ ограничивается лишь „общими выводами“,

не входя въ детальное разсмотрѣніе вопроса. Впрочемъ, указанные пробѣлы едва ли можно ставить въ вину автору. Для устраненія ихъ потребовалось бы не только основательное изученіе многочисленныхъ памятниковъ древне-классической и христіанской литературы, но и обстоятельное знакомство съ обширною ученою литературою на разныхъ языкахъ, между тѣмъ какъ авторъ располагалъ, кромѣ обычныхъ студенческихъ свѣдѣній по древне-классической христіанской литературѣ, лишь греческимъ текстомъ твореній св. Теофила въ изданіи Миня, русскимъ переводомъ ихъ, принадлежащимъ прот. Преображенскому, греческимъ текстомъ классиковъ и очень ограниченнымъ числомъ пособій на русскомъ языкѣ. Изъ другихъ недостатковъ въ особенности можно указать встрѣчающіеся по мѣстамъ повторенія и недостаточно обоснованныя сужденія. Такъ, напр., авторъ, приведши выраженіе св. Теофила: „нѣкоторые изъ стойковъ утверждаютъ, что Онъ (Богъ) ни о чемъ не печется, кромѣ Себя Самого (стр. 185)“, совершенно несправедливо обобщаетъ мысль, говоря, что „стойки, какъ мы уже видѣли, отвергаютъ промыселъ Божій (стр. 191)“. Другой примѣръ: авторъ полагаетъ, что прот. Преображенскій сдѣлалъ свой переводъ твореній св. Теофила не съ греческаго текста, а съ латинскаго. „Къ этому побуждаетъ насъ“, говоритъ онъ, „то обстоятельство, что греческихъ боговъ онъ называетъ латинскими именами, — Афродиту, напр., онъ называетъ Венерой. А это во всякомъ случаѣ нельзя ничѣмъ инымъ объяснить, какъ тѣмъ, что прот. Преображенскій переводилъ съ латинскаго текста (стр. 17)“. Но въ дѣйствительности прот. Преображенскій обыкновенно называетъ греческихъ боговъ, согласно съ греческимъ текстомъ, греческими именами, какъ напр. Кроноса, Зевса, Посидона, Арея и др.; имя же Афродиты онъ могъ замѣнить въ переводѣ именемъ Венеры, какъ болѣе употребительнымъ въ русскомъ языкѣ. Но, не смотря на указанные недостатки, разсматриваемое сочиненіе представляетъ трудъ весьма

почтенный, вполне свидетельствующий о способности автора къ учено-литературнымъ работамъ. Изложено оно въ общемъ стройно и написано языкомъ легкимъ и яснымъ. Кромѣ отмѣченныхъ нами, оно отличается также многими другими достоинствами, изъ которыхъ въ особенности можно указать на то, что авторъ, пользуясь русскимъ переводомъ прот. Преображенскаго, постоянно сличалъ его съ греческимъ текстомъ по изданію Миня и постарался восполнить его собственнымъ переводомъ тѣхъ мѣстъ, которыя неточно переведены или опущены прот. Преображенскимъ. Какъ кандидатская диссертация, рассматриваемое сочиненіе можетъ быть признано, по нашему мнѣнію, вполне удовлетворительнымъ“.

8) О сочиненіи студента Войслава *Бошняковича* на тему: „Нилъ Синайскій (биографическій очеркъ)“.

а) Доцента Н. Мухина:

„Автору дается больше анализъ, чѣмъ синтезъ. Онъ болѣе или менѣе удачно анализируетъ для своихъ цѣлей тѣ или другія обстоятельства жизни св. Нила, тѣ или другія мѣста его твореній. Когда же авторъ обращается къ широкимъ обобщеніямъ, старается нарисовать цѣлую картину извѣстныхъ отношеній, тамъ перо его является слабымъ. Попытка автора представить борьбу христіанства и монашества съ отжившимъ язычествомъ и его культурою (стр. 18—20), а также борьбу православія съ ересями (стр. 21—22) потерѣла полную неудачу. Здѣсь авторъ наговорилъ много несообразностей, свидетельствующихъ о значительномъ его легковѣріи. Слабую сторону сочиненія составляетъ также погоня автора за фразой, нагроможденіе однозначущихъ словъ и выраженій. Встрѣчаются въ сочиненіи невѣрные сужденія (стр. 5, 16, 39), преувеличенія (16), а въ одномъ мѣстѣ авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою (стр. 53—54). Языкъ сочиненія не вездѣ—пра-

видный. Но при всем томъ авторъ не мало потрудился надъ своимъ сочиненіемъ. Онъ болѣе или менѣе добросовѣстно изучилъ творенія св. Нила и вѣрно представилъ величавый обликъ этого святителя. Авторъ вѣрно охарактеризовалъ отношенія Нила къ различнымъ слоямъ общества и монашеству. Сочиненіе согрѣто добрымъ, теплымъ чувствомъ, а нѣкоторые отдѣлы его (введеніе и заключеніе) написаны съ искреннимъ воодушевленіемъ. Какъ кандидатская работа, сочиненіе г. Бошняковича удовлетворительно“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Сочиненіе Бошняковича заключаетъ въ себѣ, кромѣ краткихъ введенія и заключенія, три главы, изъ коихъ въ первой изображается, на фонѣ государственно-церковной жизни того времени, жизнь преп. Нила въ міру до удаленія на Синаѣ, во второй—отшельническая жизнь пр. Нила на Синаѣ на фонѣ прошлаго и современнаго Нилу состоянія Синайскаго монашества и въ третьей—воздѣйствіе пр. Нила изъ пустыни на міръ, къ чему присоединены свѣдѣнія о послѣднихъ временахъ жизни преподобнаго и его твореніяхъ. Такой планъ сочиненія можетъ быть признанъ естественнымъ и потому заслуживающимъ одобренія.

Нѣтъ серьезнаго основанія возражать и противъ приема автора заимствовать данныя для своего сочиненія главнымъ образомъ изъ твореній преп. Нила Синайскаго. Во первыхъ авторъ правъ, когда утверждаетъ, что посторонніе источники свѣдѣній о жизни и дѣятельности преподобнаго очень скудны. Во вторыхъ авторъ при самостоятельномъ отыскиваніи матеріаловъ для своего сочиненія не особенно счастливъ. По крайней мѣрѣ полученныя имъ такимъ образомъ свѣдѣнія оказываются подчасъ далекими отъ истины и даже странными, въ родѣ напр. слѣдующихъ: „православные епископы обнаруживали въ это время (при Θεодосіи Великому) по отношенію къ

язычеству свирѣпость, жестокость и даже дикость“, также: „жрепы и философы погибали, храмы начали разрушать вездѣ, гдѣ только было возможно. Великіе памятники древней языческой архитектуры, созданія цѣлыхъ поколѣній, статуи, колонны—все это погибло въ огнѣ и пламени, все это стиралось съ лица земли, какъ обиталища демоновъ...“ Я готовъ былъ бы одобрить и пріемъ автора при заимствованіяхъ изъ твореній пр. Нила Синайскаго, состояцій въ приведеніи цѣликомъ отрывковъ изъ нихъ по печатному русскому переводу, такъ какъ при недостаточномъ знаніи авторомъ русскаго языка эти отрывки служатъ образцами правильной русской рѣчи.

Результаты изученія авторомъ предмета своего сочиненія въ научномъ отношеніи не велики. Свѣдѣнія о вѣдшихъ событіяхъ жизни преп. Нила Синайскаго даны въ сочиненіи очень краткія и частію даже противорѣчивыя, при чемъ противорѣчіе или незамѣчается авторомъ, или разрѣшается не вполне удачно. Гораздо болѣе сдѣлано для уясненія духовнаго развитія преподобнаго, для созданія психологическаго образа его, хотя авторъ иногда и сбивается при этомъ на общія фразы аскетическихъ характеристикъ.

Во внѣшней обработкѣ сочиненія обращаетъ на себя вниманіе способность автора излагать свои мысли краснорѣчиво и съ пафосомъ, хотя при недостаточномъ знаніи авторомъ русскаго языка она и не могла сообщить сочиненію большой внѣшней красоты.

Какъ кандидатская диссертация сочиненіе Войслава Бопняковича можетъ быть признано удовлетворительнымъ“.

9) О сочиненіи студента Бориса *Георгіевскаго* на тему: „Пророкъ Амосъ и его время“.

а) Экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго:

„Авторъ настоящаго сочиненія не вполне правильно понималъ свою задачу. Темой сочиненія, очевидно, требовалось изло-

жить данныя о личности пророка, освѣтить историческіе факты его времени и уяснить религіозно-нравственное состояніе еврейскаго народа эпохи Амоса. Но авторъ занимается этими вопросами только на первыхъ 30 стр своего сочиненія и потому рассматриваетъ ихъ весьма бѣгло. Главное же вниманіе автора привлечь къ себѣ взглядъ отрицательной критики на Амоса, какъ на новатора въ исторіи израильской религіи. Все сочиненіе, за исключеніемъ отмѣченныхъ страницъ, и посвящено изложенію, а затѣмъ опроверженію этого взгляда. Вопреки взгляду отрицательной критики г. Георгіевскій старается доказать, что уже въ древнѣйшее время у Израиля были тѣ самыя представленія объ Іеговѣ и его отношеніяхъ къ народу, какія можно находить и въ кн. Амоса. Сочиненіе, вслѣдствіе этого, мало занимаетъ кн. Амоса и почти исключительно говорить о времени до Амоса, или точнѣе, собственно о воззрѣніяхъ на Іегову до пр. Амоса. Нѣкоторое отношеніе къ темѣ сочиненія эти разсужденія автора, конечно, имѣютъ. Но одними ими ограничиться авторъ не могъ, и для цѣлей его эти разсужденія нужно было вначе построить и направить.

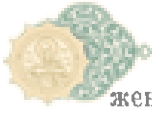
Изъ сказаннаго видно, что свою тему авторъ недостаточно обслѣдовалъ, и не мало существенныхъ вопросовъ, входящихъ въ нее, не затронулъ даже совсѣмъ. Въ отдѣльныхъ сужденіяхъ и въ изложеніи сочиненіе также не безъ дефектовъ. Однако же, нельзя отнять у автора того, что онъ много трудился, проработалъ нѣсколько относящихся къ темѣ сочиненія иностранныхъ книгъ и задачу, имъ самимъ себѣ поставленную, выполнилъ не безъ успѣха. Въ виду этого сочиненіе можно признать удовлетворительной кандидатской диссертацией“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго:

„Сочиненіе г. Георгіевскаго состоитъ изъ введенія, четырехъ главъ изслѣдованія и заключенія. Во введеніи авторъ по-

казывать современный интерес, вызываемый пророкомъ Амосомъ и заявляющийся отъ особенно важнаго, указываемаго новѣйшею отрицательною критикою значенія его въ исторіи израильской религіи, говорить о методѣ изслѣдованія и пособіяхъ. Въ первой главѣ онъ говоритъ о соціальномъ положеніи и іудейскомъ происхожденіи пророка Амоса, о политическомъ и религіозно-нравственномъ состояніи Израильскаго царства во время Амоса и излагаетъ религіозныя идеи пророка Амоса и взгляды на положеніе его въ исторіи израильской религіи новѣйшей отрицательной критики, сводя въ концѣ главы различіе между воззрѣніями Амоса и взглядами новѣйшей критики на израильскую до пророческую религію къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ: „1) у Амоса Іегова—единый Владыка міра, по взгляду новѣйшей критики Онъ національный богъ, на ряду съ которыми существуютъ боги другихъ народовъ, 2) у Амоса Іегова—этическое существо, дѣйствующее по началамъ справедливости,—по новѣйшей критикѣ Онъ—существо, жертвующее и нарушающее для блага своего народа всѣ этическія требованія; 3) по Амосу завѣтъ между Іеговою и Израилемъ обусловленъ извѣстными требованіями, неисполненіе которыхъ со стороны Израиля влечетъ за собою расторгненіе завѣта и строгое наказаніе Израиля, его гибель; по новѣйшей критикѣ—онъ чисто физическій, неразрывный. Народъ и его богъ совершенно неотдѣлимы. Проповѣдь о томъ, что Богъ самъ уничтожитъ свой народъ, съ точки зрѣнія стоящихъ на этой ступени развитія религіозныхъ представленій оскорбленіе божества. Указанныя три положенія составляютъ предметъ изслѣдованія дальнѣйшихъ трехъ главъ. Въ слѣдующей—второй главѣ авторъ доказываетъ сначала, что попытки новѣйшей критики объяснить переходъ отъ предполагаемой ею ступени израильской религіи до Амоса, къ той ея ступени, на которой стоятъ пророкъ, не имѣетъ научнаго характера, каковымъ на первый взглядъ она обольщаетъ читателя, а основывается на предзанятомъ поло-

женія, и затѣмъ отрицательно, путемъ разбора возраженій, и положительно, чрезъ приведеніе прямыхъ свидѣтельствъ, доказываетъ, что и до Амоса Іегова признаваемъ былъ, какъ Единный Богъ и Владыка міра, а не только, какъ національный одинъ богъ (энотеизмъ), какъ представляетъ критика. Такимъ же точно образомъ,—сначала отрицательно, а потомъ положительно, авторъ доказываетъ—въ третьей главѣ этический характеръ Іеговы и въ четвертой главѣ расторможность завѣта Іеговы съ Израилемъ, по вѣрованію древняго, до-амосовскаго Израіля. Въ заключеніи авторъ подводитъ итогъ своего изслѣдованія: пророкъ Амосъ—не новаторъ въ области израильскихъ вѣрованій въ той формѣ, какъ это изображаетъ новѣйшая отрицательная критика. Онъ стоитъ на почвѣ тѣхъ же основныхъ вѣрованій, какъ и истинные поклонники Іеговы до него; вѣрованія же народныя, уклоняющіяся отъ его вѣрованій,—не представляющая ему ступень израильской религіи, какъ хочетъ представлять это отрицательная критика, а искаженіе прежнихъ истинныхъ вѣрованій.

Авторъ правильно понялъ задачу своей работы и ясно представилъ дѣйствительное положеніе пророка Амоса въ исторіи ветхозавѣтной религіи. Возраженія критики приведены полно и разобраны въ общемъ основательно, хотя иногда обще. Рѣчь автора спокойная и вѣская. Языкъ правильный и сжатый. Читается сочиненіе съ интересомъ. Какъ писанное на степень, оно должно быть признано очень хорошею кандидатскою диссертациею“.

10) О сочиненіи студента *Михайла Глаголева* на тему: „Педагогическія воззрѣнія Г. Спенсера съ христіанской точки зрѣнія“.

а) Экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго:

„Болѣе трети сочиненія (84 стр. изъ 204) имѣетъ характеръ вступительный. Здѣсь авторъ говорить означеніи „великаго

философа—эволюціоннаго принципа“ въ области философіи и педагогики, излагаетъ въ общихъ чертахъ біографію его (Введеніе) и даетъ „легкое очертаніе грандіознаго знанія „Системы синтетической философіи“ (гл. 1-я) съ цѣлью раскрыть въ существенныхъ чертахъ общепилософское міровоззрѣніе Спенсера. Для этого предпринимається экскурсія въ область „Основныхъ началъ“ философа для выясненія его основного принципа эволюціи, а затѣмъ авторъ проходитъ и чрезъ „частную философію“ его, стараясь показать выраженіе того же принципа въ „Біологіи“, „Психологіи“, „Соціологіи“ и „Этикѣ“ Спенсера. Педагогика Спенсера излагается во 2-й главѣ—по четыремъ педагогическимъ статьямъ его съ привлеченіемъ относящагося сюда матеріала и изъ другихъ сочиненій его. Въ частности, авторъ показываетъ общее отношеніе вопроса о воспитаніи къ теоріи эволюціи Спенсера, а потомъ раскрываетъ взглядъ его на современное состояніе воспитанія, на отдѣльные факторы, конечную цѣль и методъ его. 3-я глава въ сочиненіи—критическая. Авторъ беретъ основной принципъ философіи Спенсера и ставитъ вопросъ о возможности построенія на немъ нравственнаго міровоззрѣнія. Анализируя область нравственнаго сознанія съ психологической и положительной стороны, авторъ обнаруживаетъ несостоятельность эволюціонно-эвдемонистической точки зрѣнія Спенсера, не знающаго самозаконной нравственности. Не останавливаясь частіе, собственно на педагогикѣ Спенсера, и ограничившись лишь бѣглымъ замѣчаніемъ объ отличіи „разумно-христіанской педагогики отъ эволюціонной“, авторъ, въ видѣ заключенія, коротко знакомитъ съ новою англійскою школою, какъ опытомъ примѣненія педагогическихъ идей Спенсера на практикѣ.

Авторъ поставилъ широкую задачу для себя—изучить педагогическія идеи Спенсера въ связи со всей его философіей. Это потребовало большаго труда—ознакомленія съ грандіозной серіей сочиненій философа. И эту часть работы авторъ выпол-

Журналы.

нилъ добросовѣстно, показателемъ чего служить 1-я глава его сочиненія. Однако въ изложеніи педагогики Спенсера, данномъ во 2-й главѣ и въ общемъ вполнѣ удачномъ, желательно было бы болѣе ясное проведеніе связи этихъ спеціально-педагогическихъ взглядовъ Спенсера съ изложеннымъ въ 1-й главѣ обще-философскимъ ученіемъ его. Такая связь прямо отмѣчена авторомъ лишь кой гдѣ, вообще же ее нужно устанавливать уже самому читателю, по даннымъ 1-й главы.

Затративъ много труда на изученіе и изложеніе философіи и педагогики Спенсера, авторъ для критической части своей работы, очевидно, не располагалъ уже достаточнымъ временемъ, почему 3-я глава его сочиненія оказалась не вполнѣ отвѣчающей цѣли. Для критическаго анализа своего онъ беретъ лишь одинъ, правда, основной принципъ философіи и педагогики Спенсера и рассматриваетъ его не въ спеціальномъ освѣщеніи христіанскимъ ученіемъ, а обще-философскимъ путемъ, ссылаясь главнымъ образомъ на Канта. Самая же педагогика Спенсера при этомъ оставляется въ сторонѣ, тогда какъ такіе основные вопросы въ ней, какъ конечная цѣль воспитанія, природа питомца и др., могли и должны были подлежать христіанско-критическому анализу автора.

Цѣня добросовѣстную, вдумчивую, основательную, во многихъ мѣстахъ вполнѣ самостоятельную работу автора въ первыхъ двухъ главахъ его сочиненія, требовавшихъ большого труда, я не считаю недочеты 3-ей главы препятствіемъ къ признанію сочиненія г. Глаголева заслуживающимъ кандидатской степени“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго:

„Студентъ Михаилъ Глаголевъ взялъ на себя лишній трудъ изложенія біографическихъ свѣдѣній о Герб. Спенсерѣ и общаго обзорѣнія его философской системы. Ибо эти свѣдѣнія и этотъ обзоръ нисколько не помогли автору въ разрѣшеніи

прямой задачи его сочиненія—охарактеризовать и оцѣнить педагогическіе взгляды и сужденія Спенсера. Задача эта выполнена слабо.

Педагогическія сужденія Спенсера стоятъ въ прямой связи съ общими основаніями его философіи. Но г. Глаголевъ этой связи не выявлялъ и не указалъ, хотя безъ нужды обозрѣваетъ всю систему Спенсера по ея составнымъ частямъ, вмѣсто того чтобы отмѣтить лишь основныя начала таковой и на эти начала обратить свое вниманіе. Если бы авторъ обратилъ вниманіе на основныя начала философіи Спенсера, то всѣ недостатки педагогическихъ сужденій Спенсера были бы для него ясны.

Главная руководящая мысль въ философіи Спенсера есть мысль объ отношеніи (ибо только относительное познаваемо), именно: объ отношеніи между индивидомъ и родомъ, а общѣе—между частнымъ и общимъ. Отношеніе это въ мірѣ живыхъ существъ представляется двойственнымъ,—то родъ (общество) преобладаетъ и господствуетъ надъ индивидомъ, то наоборотъ индивидъ стремится къ самостоятельности и достигаетъ таковой относительно рода. Отсюда, т. е. отъ такого двойственнаго представленія о взаимномъ отношеніи рода и вида, происходитъ у Спенсера двойственность и неопредѣленность въ его педагогическихъ сужденіяхъ. То общественное воспитаніе (обученіе) отрицается, а признается необходимымъ и важнымъ только частное—семейное, даже прямо индивидуальное, состоящее въ самообученіи, въ самообразованіи (восхваляются самоучки), то опять семейное, частное воспитаніе рассматривается какъ продуктъ и выраженіе общественнаго развитія и потому поставляется въ зависимость отъ общества. Съ одной стороны требуется, чтобы воспитательный процессъ былъ предоставляемъ природѣ воспитываемаго, слѣд. рассматривается этотъ процессъ какъ такое явленіе, которое съ нѣкоторою необходимостію происходить какъ бы само собою; съ другой же стороны дѣло воспитанія признается столь труднымъ, что возможность

настоящаго воспитанія отодвигается къ далекому будущему. Классическая система образованія характеризуется как система вражды,—ибо въ классическихъ произведеніяхъ изображается и восхваляется воинская доблесть, а война—выраженіе вражды, военный строй государства означаетъ собою централизацию, деспотизмъ, подавленіе индивидуальности; на этомъ основаніи классическая система образованія отвергается, а признается одно лишь реальное образованіе, основанное на изученіи природы, состоящее въ усвоеніи и примѣненіи въ жизни знаній реальныхъ, естественно-научныхъ. Любопытно, что эта система образованія называется *системою любви* (въ противоположность классической); подъ любовью разумѣется въ этомъ случаѣ то, что обычно называется солидарностію—т. е. такой союзъ между людьми, который утверждается на общности интереса—политическаго или матеріальнаго.—Понятіе о любви вполне современное, ибо военному строю государства Спенсеръ противопоставляетъ строй промышленный, гдѣ личность свободна (индивидуализмъ), а значеніе власти доведено до минимума, идеальное же состояніе такового строя въ изображеніи или пониманіи социалистическомъ представляется именно какъ такое общественное состояніе, которое основывается на общности матеріальныхъ интересовъ по преимуществу.

Критическая часть сочиненія студ. Глаголева состоитъ изъ краткихъ замѣчаній, касающихся единственно этики Спенсера, именно основныхъ началъ этики, каковыми Спенсеръ признавалъ эгоизмъ и альтруизмъ (начало индивидуальное и родовое).

Сочиненіе студ. Глаголева—трудъ компилятивный, и потому не представляетъ никакихъ особыхъ достоинствъ, но для полученія кандидатской степени можетъ быть признано достаточнымъ.

11) О сочиненія студента Ивана Гладковского на тему:
„Сыны пророческіе или такъ называемыя пророческія школы“.

а) Экстраординарного профессора В. Рыбинскаго:

„Задача автора настоящаго сочиненія состояла въ томъ, чтобы описать такъ назыв. пророческія школы и выяснить ихъ происхожденіе, исторію и значеніе. Задача эта не можетъ быть названа сложной, такъ какъ вопросъ о пророческихъ школахъ и не широкъ, и достаточно разработанъ въ литературѣ. Разсчитывать на какіе-либо большіе результаты своихъ изысканій авторъ не могъ. Но, повидимому, съ своей стороны авторъ приложилъ все стараніе, чтобы выполнить свою задачу надлежащимъ образомъ. Въ главную заслугу автору должно поставить то, что онъ проштудировалъ почти всѣ книги, въ которыхъ могъ имѣть надежду найти что-либо относящееся къ темѣ. По содержанію его сочиненіе поэтому соотвѣтствуетъ современному состоянію ученой литературы о пророческихъ школахъ. Изложено сочиненіе простымъ и правильнымъ языкомъ. Недостатки работы состоятъ въ привнесеніи въ сочиненіе лишняго матеріала и въ томъ, что авторъ слишкомъ щедръ на предположенія, для которыхъ нѣтъ основаній (ср. стр. 265, 274 и др.). Эти недостатки, повидимому, произошли изъ добраго стремленія трудолюбиваго автора шире поставить свою тему и изъ скудости положительныхъ свидѣтельствъ о пророческихъ школахъ.

Какъ кандидатская диссертация, сочиненіе г. Гладковского вполне удовлетворительно“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго:

„Сочиненіе г. Гладковского состоитъ изъ предисловія, введенія, пяти главъ изслѣдованія и заключенія. Въ предисловіи авторъ указываетъ интересъ изслѣдуемаго имъ предмета, задачу изслѣдованія, трудность его и источники и пособія, бывшія въ его распоряженіи. Во введеніи онъ предлагаетъ краткій очеркъ

исторіи ветхозавѣтнаго пророчества отъ возникновенія его у евреевъ до вступленія на пророческую дѣятельность Самуила. Первая глава изслѣдованія посвящена изображенію состоянія евреевъ въ періодъ судей, религіозно-нравственнаго и политическаго, которое представляется бѣдственнымъ; въ концѣ главы кратко описывается благотворная дѣятельность Самуила до учрежденія имъ пророческихъ обществъ. Вторая глава содержитъ критическій разборъ различныхъ мнѣній о сущности пророческихъ обществъ, непринимаемыхъ авторомъ, и краткое изложеніе принимаемаго имъ мнѣнія большинства. Въ третьей главѣ изображаются основанія Самуиломъ пророческія общества, ихъ внѣшняя и внутренняя организація. Въ четвертой говорится о пророческихъ обществахъ въ періодъ отъ Самуила до пророковъ Іліи и Елисея, главнымъ образомъ о состояніи израильскаго (сѣвернаго) царства во время господства первыхъ четырехъ династій. Въ пятой главѣ изображаются общества сыновъ пророческихъ или такъ называемыя пророческія школы. Въ заключеніи говорится о постепенномъ вырожденіи и уничтоженіи пророческихъ обществъ въ израильскомъ царствѣ.

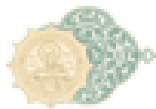
Авторъ справедливо жалуется на скудость библейскихъ свѣдѣній о пророческихъ обществахъ, на происходящее отсюда *разнообразіе мнѣній о нихъ и зависящую отъ того и другого трудность изслѣдованія ихъ*. Этимъ объясняется то, что многія положенія автора отличаются общностью и гипотетичностью. Съ своей точки зрѣнія, съ которой въ общемъ можно согласиться, авторъ даетъ довольно полное и цѣльное представленіе о пророческихъ обществахъ какъ времени Самуила, такъ и Іліи и Елисея. По нему они явились по вызову со-временныхъ имъ обстоятельствъ, имѣли очень важное значеніе и прекратили свое существованіе съ измѣненіемъ обстоятельствъ. Между пророческими обществами времени Самуила и обществами сыновъ пророческихъ временъ Іліи и Елисея есть сходство, но есть и различіе, указываемое уже ихъ названіями, —

различіе это слѣдовало бы еще болѣе отмѣнить. Нуждается въ большемъ обоснованіи и положеніе автора относительно широкаго распространенія пророческихъ обществъ при Самуилѣ. Слѣдовало больше остановиться и на указываемомъ нѣкоторыми сходствѣ обществъ пророческихъ съ пророками Ваала и Астарта. Критическій разборъ существующихъ мнѣній не отличается большою обстоятельностью, но существенныя черты ихъ отмѣчены и достаточно ослаблены. Авторъ достаточно знакомъ съ литературою предмета. Написано сочиненіе хорошимъ языкомъ и читается легко.—Какъ сочиненіе на степень кандидата богословія, оно вполне удовлетворительно“.

12) О сочиненіи студента Василя *Гомерова* на тему: „Раскрытіе евангельскаго понятія о царствѣ Божіемъ“.

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Сочиненіе свое студентъ Гомеровъ раздѣлялъ на четыре главы, изъ которыхъ въ первой (стр. 1—62) разъясняетъ вопросъ, что такое царство Божіе по своему существу, во второй (стр. 63—115) излагаетъ условія и самый процессъ созиданія царства Божія, въ третьей (стр. 117—181) говоритъ о развитіи, составѣ и строѣ царства Божія, какъ царства съ одной стороны внутренняго, съ другой—внѣшняго для человѣка, и въ четвертой главѣ (стр. 181—221) устанавливаетъ взглядъ на царство Божіе и церковь, ихъ различіе и взаимоотношенія. Матеріалъ свой авторъ развиваетъ догматически, уясняя существенныя понятія о царствѣ Божіемъ на основаніи мѣстъ писаній главнымъ образомъ новозавѣтныхъ; иногда авторъ привлекаетъ къ дѣлу мѣста изъ твореній святоотеческихъ и гораздо больше пользуется трудами новѣйшихъ русскихъ богослововъ, въ которыхъ можно найти опыты уясненія понятія о царствѣ Божіемъ въ его существѣ и развитіи; критико-апплодетиическаго элемента въ сочиненіи автора замѣтно немного.“

Доброе качество сочиненія г. Гомерова состоитъ, конечно, въ томъ, что онъ старался разсмотрѣть (съ точки зрѣнія ново-завѣтной) вопросъ о царствѣ Божіемъ по возможности со всѣхъ его сторонъ. Изображеніе существа царства Божія, условій его созиданія, его развитія и строя получило у автора достаточную выпуклость и отчетливость. Можно только пожалѣть, что иностранная литература по вопросу о царствѣ Божіемъ (какъ ортодоксальнаго, такъ и раціоналистическаго направленія), — за исключеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ общеизвѣстныхъ русскихъ богословскихъ сочиненій или журнальныхъ статей, — осталась совершенно невѣдомою автору; а между тѣмъ изъ нея авторъ могъ бы почерпнуть кое-что небезполезное для себя и во всякомъ случаѣ въ состояніи былъ бы значительно расширить критическія свои разсужденія и тѣмъ придать еще большую устойчивость и догматическимъ своимъ положеніямъ. Стремленіе автора ограничить число своихъ пособій выразилось даже въ томъ, что выдержки изъ твореній отцовъ и учителей церкви (Григорія Нисскаго, Кирилла Александрійскаго, блаж. Теофалакта и др.) извлекаются имъ изъ тѣхъ же русскихъ сочиненій и журнальныхъ статей. Но въ общемъ для предмета сочиненія авторомъ сдѣлано достаточно, и это достаточно выполнено хорошо. Изложено сочиненіе правильнымъ языкомъ; маловажныя грамматическія ошибки или неудачныя выраженія встрѣчаются рѣдко.

Какъ диссертация на ученую степень, сочиненіе г. Гомерова во всякомъ случаѣ даетъ автору полное право на полученіе степени кандидата богословія“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова:

„Предметъ своей темы авторъ раскрываетъ въ четырехъ главахъ. Въ первой главѣ выясняется существо царства Божія

(стр. 1—62), во второй указываются условія созиданія царства Божія (стр. 63—115), въ третьей устанавливаются формы проявленія царства Божія (стр. 116—180), въ четвертой опредѣляются взаимныя отношенія царства Божія и церкви (стр. 181—221).

Авторъ становится на сторону тѣхъ богослововъ, которые отождествляютъ царство Божіе съ церковью, и аргументируетъ этотъ свой взглядъ съ полною основательностью. Сочиненіе его написано на основаніи тщательнаго изученія евангельскаго и научно-богословскаго матеріала темы, расчленяется на существенныя логическіе пункты и изложено литературно, живо и по мѣстамъ одушевленно. Въ качествѣ кандидатской диссертации, оно вполне удовлетворительно“.

13) О сочиненіи студента Василя *Демьяновскаго* на тему: „Выясненіе вопроса о перстосложеніи для крестнаго знаменія въ сочиненіяхъ православныхъ полемистовъ (историческій очеркъ)“.

а) Экстраординарнаго профессора А. Булгакова:

„Въ рѣшеніи этого вопроса авторъ усматриваетъ два періода: 1) признанія за троеперстіемъ исключительности въ отношеніи къ другимъ формамъ перстосложенія, 2) признанія законности и за другими формами перстосложенія подъ условіемъ принятія православнаго ученія. Обозрѣвъ полемику по этому вопросу, авторъ излагаетъ полемику по вопросу о времени происхожденія троеперстія. А обзорніе трудовъ по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія авторъ предваряетъ общимъ взглядомъ на значеніе перстосложенія для крестнаго знаменія.

Трудъ студента Демьяновскаго ведется очень безхитростно. Онъ выписываетъ довольно обширныя выдержки изъ „Скрижали“ патр. Никона, „Жезла правленія“.., составленнаго со-

боромъ 1666 года „Увѣта Духовнаго“, изд. отъ лица патріарха Іоакима въ 1682 г., „Изъявленія“, составл. Данииломъ Холмогорскимъ и издан. въ 1711 году и „Працицы“ Пяттирима Нижегородскаго, и анализируетъ ихъ полемику противъ старообрядцевъ. Названныя произведенія относятся къ такимъ, которыя смотрять на троеперстіе съ догматической точки зрѣнія, т. е. относятся къ первой группѣ и первому періоду обозрѣнія автора. Ко второй группѣ и ко второму періоду относятся авторомъ: „Розыскъ“ св. Дмитрія Ростовскаго, „Обличеніе“ Теофилакта Лопатынскаго, „Бесѣдословіе“ А. Родіонова, „Увѣщаніе“ митрополита Платона, „Отвѣты“ Никифора Θεотоки, „Бесѣды къ глаголемому старообрядцу“ митрополита Филарета. А въ заключеніи авторъ затрогиваетъ „Исторію русскаго раскола“, митрополита Макарія, сочиненіе Каптерева „Патріархъ Никонъ“ и „Бесѣду о перстосложеніи“ архіепископа Никанора.

Авторъ названной работы сдѣлалъ нужныя для его цѣлей выдержки, довольно обширныя, сопоставилъ ихъ между собою со стороны содержанія, не входя въ критическую оцѣнку ихъ достоинствъ и недостатковъ, потому что это, какъ кажется ему и не поставлено было въ задачу. Въ научномъ отношеніи его работа имѣетъ то значеніе, что даетъ возможность читателю составить себѣ представленіе о темнотѣ и полномъ отсутствіи церковно-исторической критики у церковныхъ полемистовъ допетровской Руси, когда они принимались за разрѣшеніе мелочныхъ вопросовъ, — касательно обряда; изъ ихъ произведеній читатель усматриваетъ *или нежеланіе или неспособность* отличать существенное отъ несущественнаго и во всемъ видѣтъ богомерзкую ересь, усматриваетъ легковѣрное отношеніе къ извѣстіямъ и при всемъ этомъ сильный полемическій задоръ. Студентъ Демьяновскій не виноватъ въ этомъ: онъ далъ то, что нашелъ, а для того, чтобы дать, что онъ далъ, ему пришлось

потрудиться не мало, и его работу можно признать достаточною для своей цѣли“.

б) Ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго:

„Вопросъ о перстосложеніи для крестнаго знамени въ настоящее время утратилъ свой жизненно-практическій характеръ, но въ сравнительное еще недалекое отъ нашихъ дней время онъ занималъ въ полемикѣ православныхъ съ раскольниками весьма видное мѣсто. Историкъ раскола и особенно полемисту канувшихъ нынѣ въ вѣчность дней было, конечно, не бесполезно пересмотрѣть длинный довольно рядъ сочиненій православныхъ полемистовъ со второй половины XVII столѣтія до нашего времени и по нимъ ознакомиться и съ взглядами ихъ на крестное знаменіе, какъ на догматъ и какъ на обрядъ, въ дѣлѣ вѣры особеннаго значенія не имѣющей, а равно и съ ихъ воззрѣніями и сужденіями относительно того, какая изъ двухъ существующихъ формъ крестнаго знамени древнѣе, а посему болѣе правильная и какая сравнительно поздняго происхожденія, а посему менѣе авторитетная въ глазахъ любителей старины. Г. Демьяновскій успѣлъ ознакомиться со всѣми выдающимися сочиненіями нашихъ полемистовъ противъ раскольниковъ по данному вопросу и изложилъ ихъ воззрѣнія на него въ своемъ сочиненіи съ полнымъ эническимъ спокойствіемъ, безъ всякихъ съ своей стороны комментаріевъ или критическихъ замѣчаній, очевидно, не считая себя подготовленнымъ для этой работы. Изложеніе сочиненія въ литературномъ отношеніи, за немногими исключеніями, правильное и не вызываетъ особенныхъ упрековъ. Портятъ впечатлѣніе лишь частыя описки переписчика, не выправленныя со вниманіемъ авторомъ, при подачѣ сочиненія. Для степени кандидата я признаю настоящее сочиненіе вполне достаточнымъ“.

14) О сочиненіи студента Николая *Державина* на тему: „Теократическій элементъ въ государственныхъ воззрѣніяхъ Московской Руси сравнительно съ воззрѣніями древнихъ евреевъ“.

а) Ординарнаго профессора В. Завитневича:

„Послѣ краткаго предисловія, авторъ во введеніи уясняетъ смыслъ понятія, обозначаемаго терминомъ „теократія“, указываетъ историческія условія, при которыхъ развивались теократическія воззрѣнія у древнихъ евреевъ и у насъ на Руси и опредѣляетъ сравнительное значеніе Библіи и византійскаго вліянія на перенесеніе къ намъ этихъ воззрѣній. Самое изслѣдованіе состоитъ изъ трехъ главъ и заключенія. Въ первой главѣ излагаются теократическія воззрѣнія древнихъ евреевъ; двѣ другія главы посвящены такимъ же воззрѣніямъ русскаго народа. Частіе: во второй главѣ идетъ рѣчь о зачаткахъ теократіи въ древнѣйшую пору нашей исторіи до половины XV в.; въ третьей главѣ говорится о торжествѣ теократическихъ воззрѣній въ позднѣйшую эпоху. Въ заключеніи дѣлается сравненіе между древне-еврейскимъ и русскимъ народомъ въ разсуждаемомъ отношеніи. Сущность вывода, къ которому пришелъ авторъ въ заключеніи, можно выразить такъ: у обоихъ народовъ верховнымъ правителемъ признавался Самъ Богъ; но степень и характеръ проявленія силы и власти Его на землѣ у того и другого народа понимались не одинаково. Іегова стоялъ къ еврейскому народу въ болѣе прямомъ, въ болѣе непосредственномъ отношеніи; ему принадлежали всѣ важнѣйшія функціи верховной власти, т. е. законодательная, судебная и административная, почему онъ у евреевъ называется царемъ въ собственномъ смыслѣ; значеніе земного царя при такихъ условіяхъ естественно ослаблялось. Напротивъ, у насъ на Руси земной царь выдвигается на первый планъ: онъ самъ править на-

родомъ непосредственно, отъ Бога же онъ получаетъ только вразумленіе. „Онъ, говоритъ авторъ, по своей власти уподобляется Богу, а личность его обожествляется; русскій царь — земной богъ“. Такимъ образомъ на Руси утвердился „полнѣйшій теократическій абсолютизмъ царской власти. Идея Бога — гражданского правителя, — говоритъ авторъ, — не была такою ясною въ сознаніи русскихъ, какою она выступаетъ у древнихъ евреевъ; она подавлялась у русскихъ идеей земного царя — неограниченнаго намѣстника Бога, даже земного бога, почему отступала на второй планъ.“ Здѣсь слѣдовало бы добавить, что такъ высокопревознесенная личность царя у насъ на Руси ставилась подъ строгій контроль нравственнаго закона, за исполненіемъ котораго слѣдить Самъ Богъ. По древне-русскимъ воззрѣніямъ, русскій царь былъ не только самодержавнымъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ д. быть царемъ благочестивымъ, правдивымъ, кроткимъ, милостивымъ; за грѣхи царя карался не только самъ онъ, но и весь народъ. При слабомъ развитіи въ древней Руси формально юридическаго начала и при замѣтнѣ его началомъ нравственнымъ, указанный фактъ въ значительной степени смягчаетъ устанавливаемый авторомъ взглядъ на теократическій абсолютизмъ царской власти у насъ.

Сообразно съ намѣченной въ темѣ задачей, г. Державинъ главное вниманіе въ своемъ изслѣдованіи долженъ былъ обратить на степень и характеръ вліянія теократическихъ воззрѣній древнихъ евреевъ на такія же воззрѣнія русскаго народа. Правильно понявъ свою задачу, онъ сравнительно кратко, хотя для данной цѣли вполне достаточно, останавливается на теократіи еврейской и центръ своего вниманія переносятъ въ русскую исторію, гдѣ проявляетъ большую обстоятельность въ изученіи изслѣдуемаго предмета. Простота и естественность плана, широкое непосредственное знакомство съ источниками и литературой изучаемаго вопроса, полного фактическихъ данныхъ, научность пріема, хорошее изложеніе, — все это дѣлаетъ

трудъ г. Державина хорошей, достаточно обработанной, монографіей на данную тему. Если бы автору пришлось работать по источникамъ, меньше использованнымъ въ нашей исторической наукѣ, то его сочиненіе давало бы ему право на получение магистерской степени. При настоящихъ условіяхъ оно можетъ быть призвано въполнѣ хорошей кандидатской диссертацией“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Сочиненіе студента Державина состоитъ изъ небольшого предисловія, довольно обширнаго введенія, трехъ главъ изслѣдованія и заключенія.

Предисловіе указываетъ общую задачу и планъ изслѣдованія, распредѣленіе матеріала, въ частности оправданіе того, почему авторъ выясненію „теократіи въ государственныхъ воззрѣніяхъ евреевъ“ посвящаетъ первую главу, а не третью, какъ указывается формулой темы.

Довольно обширное введеніе посвящено рѣшенію важнаго вопроса о существѣ теократіи, какъ формы государственнаго управленія, и отличіи ея отъ Промысла Божія о судьбахъ міра и народовъ. Здѣсь же кратко указываются причины развитія теократизма въ Россіи. Причины эти, по мнѣнію автора, заключаются въ особой глубинѣ религіознаго чувства у русскаго народа, въ отчужденномъ положеніи русскаго народа среди народовъ сосѣдственныхъ и особой судьбѣ Библіи и библейскихъ воззрѣній у русскаго народа и въ русской письменности.

Глава первая посвящена выясненію „теократіи въ государственныхъ воззрѣніяхъ древнихъ евреевъ“. Признавая, что народамъ древнимъ и новымъ присуща мысль о божественномъ промышленіи въ судьбахъ отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ, авторъ старается выяснитъ особенность еврейскаго понятія о теократіи. Особенность эта, по автору, заключается въ томъ, что основаніе союза Бога съ Израилемъ полагается самимъ Іеговою; а народу еврейскому представлялось только

право вступать въ договоръ съ Богомъ на условіяхъ строгаго исполненія закона Божія. Богу поэтому принадлежало исключительное право законодательства, суда и управленія. Судья, пророки и цари, являясь избранниками и помазанниками Божиими, были только верховными посредниками между Богомъ и народомъ, при томъ при условіи строгаго исполненія принятыхъ обязательствъ въ цѣляхъ высшаго назначенія народа еврейскаго—быть хранителемъ истинной вѣры до пришествія Мессіи. Народъ еврейскій вполне усвоилъ эту идею и смотрѣлъ на себя, какъ на удѣлъ Божій, на землю свою, какъ на нарочитую собственность Іеговы, за союми царями признавалъ право судить и управлять лишь по законамъ того же Іеговы, въ бѣдствіяхъ родной земли видѣлъ кару за нарушенія закона Бога Израилева, а въ благоденствіи указаніе на вѣрный путь, которымъ идутъ цари и народъ въ исполненіи своего историческаго призванія.

Глава вторая устанавливаетъ „зачатки теократіи въ государственныхъ воззрѣніяхъ древней Руси (XI— $\frac{1}{2}$ XV вв.)“. Судя по выдержкамъ, подъ государственными воззрѣніями авторъ разумѣетъ не воззрѣнія правительственныхъ лицъ или законодательныя формулы, а воззрѣнія русскихъ книжниковъ, къ числу которыхъ должны быть отнесены и русскіе первосвятители, особенно изъ грековъ. Послѣдніе являлись къ намъ съ готовыми опредѣленіями правъ и обязанностей верховной государственной власти и несомнѣнно вліяли на постепенную выработку такихъ же воззрѣній въ русскомъ обществѣ и въ средѣ самой правительственной власти. Большинство формулъ—безспорно византійскаго происхожденія. Самыя библейскія выдержки, особенно въ лѣтописяхъ, нуждаются въ точномъ опредѣленіи ихъ источника; такъ какъ византійскія формулы, выработанныя послѣдовательнымъ развитіемъ государственной власти въ Византіи, также опирались на выраженія св. Писанія. Поэтому знакомство съ такого рода воззрѣніями могло происходить какъ

путемъ непосредственнаго заимствованія изъ Библіи, такъ и чрезъ посредство византійской переводной литературы, какъ извѣстно, въ древней Руси очень обширной.

Третья глава сочиненія Державина, самая обширная и важная, преслѣдуетъ цѣль—выяснить, въ чемъ состоялъ теократическій элементъ въ государственныхъ воззрѣніяхъ Московской Руси (втор. пол. XV—XVII в. в.). Въ началѣ главы авторъ указываетъ причины выработки взгляда русскихъ людей на Россію, какъ на царство богоизбранное, призванное охранять чистоту православія, какъ основаніе благосостоянія не только русскаго государства, но и всего человѣчества. Авторъ указываетъ при этомъ на флорентійскую унію и паденіе Константинополя; слабѣ выдвинуть политическій ростъ Россіи, сомнѣнія нѣтъ, имѣвшій весьма важное значеніе въ данномъ вопросѣ, и совсѣмъ умолчано о бракѣ Іоанна III съ Софіей Палеологъ, утвердившемъ за московскимъ царемъ право на наслѣдство Византіи. Затѣмъ слѣдуютъ выдержки изъ сочиненій писателей второй половины XV, XVI и XVII в. в., въ которыхъ ясно формулированъ взглядъ на Московское государство, какъ на богоизбранное, и на самую Москву, какъ на третій Римъ. Со стр. 222 слѣдуетъ разсмотрѣніе взгляда русскихъ книжниковъ на богоизбранность личности самого государя московскаго, сначала великаго князя, а потомъ царя, и на отправленія его власти, при чемъ съ особенною силою выдвигается обязанность охраны государемъ чистоты православія и народной нравственности, какъ основъ государственнаго и народнаго благосостоянія. При наслѣдственной власти московскихъ государей теократическій взглядъ на ихъ личность находилъ себѣ оправданіе въ томъ, что земля не участвовала въ ихъ избраніи, но разъ выработанный теократическій взглядъ повторяется представителями церкви и тогда, когда русскіе цари по обстоятельствамъ избирались, напр. при избраніи Бориса Годунова, Василя Шуйскаго, Михаила Ѳеодоровича Романова и даже Димит-